

**ARGUMENTUM AD MORTI В ДИСКУРСЕ НАСИЛИЯ:
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
«РАДИКАЛЬНОЙ» АРГУМЕНТАЦИИ**

Г. А. Тульчинский^{1, 2, 3}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

³ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 14.02.2020 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-5

Аргумент к смерти – специфический тип аргументации, явно или неявно апеллирующий к пределу человеческого существования, риторический прием, способный повысить степень убедительности просьбы, пожелания и т.п. или заблокировать саму возможность коммуникации. Степень иллюкативности такой фигуры аргументации может быть связана со шкалой используемых средств: от логических (обобщающая индукция и вытекающая из этих обобщений дедукция) до выражения экзистенциальных угроз и их реализации, что уже выводит за границы аргументации как дискурсивной практики, а то и делает невозможной саму коммуникацию. Такой тип аргументации характерен для социума, отношения в котором строятся не на согласии и балансе интересов, праве, а на произволе.

Ключевые слова: аргументация, дискурс насилия, коммуникация, полемика, смерть, спор, *anti-dixi*

Несмотря на призывы к толерантности, специальные программы, направленные на снижение роли насилия, интерес к философии и практикам ненасилия, в современном обществе сохраняется высокий уровень агрессии – как в политике, так и в обыденной жизни. Соответственно, предпринимаются активные попытки осмысления феномена, если не «культуры», насилия, следствием чего является интенсивное формирование дискурса насилия. В рамках постмодернистской критики логоцентризма даже сформировалось понимание самой дискурсивной практики как разновидности насилия. Особую роль в дискурсе насилия играет его наиболее радикальная форма – *argumentum ad mortem* (аргумент к смерти) (Проективный философский словарь, 2003, с. 26 – 29; Чуешов, 1993; Тульчинский, 1995).

Argumentum ad mortem довольно распространен в коммуникации, полемике, споре. Этот тип аргументации проявляется в использовании тезиса и посылок, соответствующих рассуждений, содержащих «смертные» термины, что придает доводам особую убедительность: «Все люди смертны», «Все там будем» и т.п. Проявляется он и в апелляции к воз-



возможным практическим выводам, в прямой угрозе жизни оппонента или его близких: «Стой! Стрелять буду!», «Если вам дорога жизнь вашей дочери, вы сделаете это» и др. Сюда же относится и угроза самоубийством: «Если вы не сделаете это, я повешусь». К подобного рода аргументам прибегают не только шантажисты, грабители, рэкетеры, но и органы охраны порядка, службы безопасности. Примерами *argumentum ad mortem* являются угроза военных операций во внешней политике, законодательное требование смертной казни, настойчивость врача на срочной операции.

Речь идет о рассмотрении смерти в коммуникативном, риторическом и логическом контекстах — как аргумента, обращаемого к пределу человеческого существования, способного повысить степень убедительности просьбы, пожелания, угрозы, а то и заблокировать саму возможность коммуникации. Этот тип аргументации — «идеоречевая конструкция, одним из элементов (оснований) которой является имплицитная или эксплицитная апелляция к биологическому или (и) социальному пределу человеческого существования», «риторический прием, повышающий степень убедительности некоторой просьбы, пожелания... средство, блокирующее саму возможность человеческой коммуникации» (Чуешов, 1993, с. 11).

Специфика *argumentum ad mortem* — в его особом логико-семантическом содержании и целевом прагматическом контексте применения. Его использование в дискуссиях, спорах, нацеленных на выявление истины или на достижение консенсуса, весьма ограничено. Более естественная среда для *argumentum ad mortem* — полемика, целью которой является победа в споре. Это способ именно «радикальной» аргументации, риторическая фигура своеобразного *anti-dixi* с широким спектром применяемых средств: от логико-семантической конструкции до перформативного речевого акта и даже непосредственного воздействия — буквально — «механического» аргумента.

Логико-семантическое содержание аргумента к смерти

Любое рассуждение или каждое из входящих в него суждений содержат экзистенциальные (онтологические) предположения о предметной области (Quine, 1981). Речь идет о допущении ее непустоты, то есть о существовании предметов, обладающих свойствами, описываемыми предикатами (понятиями), используемыми в суждении. Так, суждение «человек — разумное животное» содержит онтологическое допущение о наличии существ, обладающих свойством быть человеком и иметь разум. Короче говоря, языковые средства аргументации фиксируют и выражают предположение о сущем, о его существовании.

Это обстоятельство и определяет специфику семантического содержания *argumentum ad mortem*. В экзистенциальных допущениях рассуждений и отдельных аргументов с использованием «смертных» терминов содержится предположение о существовании смертных существ, то есть существ, могущих лишиться существования. Основано такое допущение может быть только на полной индукции — обобщающем перечислении всех элементов предметной области данного дискурса.



Важно, что экзистенциальные (онтологические) допущения каждый раз фиксируют конкретный тип существования (экзистенциальный статус): реального в пространстве и времени, потенциального, возможного бытия, существования в качестве гипотетического, абстрактного объекта, художественного образа, мифологического персонажа и т.д. Главное семантическое условие рассуждения — сохранение на протяжении развертывания аргументации одного и того же статуса существования, одних и тех же экзистенциальных допущений о предметной области суждений, входящих в умозаключения.

Действительно, среди представителей *homo sapiens* (и даже всего живого) не было еще встречено бессмертных существ. Это отнюдь не означает, что однажды не будет обнаружен или создан контрпример. Пока же эта, остающаяся полной, индукция не только дает основания для дедуктивных умозаключений, но и задает условия дискурса, допущения о предметной области рассуждения. Так, в знаменитом силлогизме «Все люди смертны. Сократ человек. Следовательно, Сократ смертен» речь идет именно об онтологическом допущении, основанном на упомянутом индуктивном обобщении. Здесь предикат «смертен» выступает лишь как больший термин, причем в распределенном виде, то есть взятый во всем объеме. Более показательны аргументы типа «Все мы смертны», «В ящик рано или поздно», «Все там будем». В них онтологическая предпосылка выявляется как предел осмысленного рассуждения. Подобные реплики обычно служат блокировке спора или диалога, как знак «Стоп!» дальнейшему развертыванию аргументации — дальше говорить не о чем.

Почему? Потому что выявляется предел сущего, дискурс натывается на границы. Именно это обстоятельство и порождает комический эффект аргументации вроде: «Если будешь баловаться и утонешь, то лучше не приходи домой, а мороженого и не жди». Или детский ресентимент: «Вы меня не взяли в кино! Вот уйду в лес, там меня волк скушает. Тогда в следующий раз не только в кино возьмете, но и еще мороженое купите!» Комизм обусловлен парадоксальностью имплицативной угрозы: если будут нарушены экзистенциальные допущения (утонешь, перестанешь существовать), то понесешь наказание. В консеквенте имплицации говорится как о существующем о том, о чем в antecedенте говорится как об утратившем статус реального существования. Предметные области antecedента и консеквента имеют различный экзистенциальный статус.

В этом плане, несомненно, еще более показательны аргументы к смерти в виде прямых угроз типа «Я тебя убью!», «Ты — покойник!», «Стой, стрелять буду!», «Сейчас вы все взлетите на воздух!» и т.п. С логико-семантической точки зрения в них содержится угроза лишения экзистенциального статуса. Причем речь идет не о простом предмете обсуждения, а о партнере по коммуникации, диалогу, спору. Выполнение угрозы делает бессмысленным рассуждение о нем как о реальном лице или обращении к нему как реально существующему. Аналогична ситуация и в случае угрозы суицида: «Если ты не извинишься, я покончу с собой». Речь идет об угрозе ухода из бытия (дискурса), основанной при этом на переложении ответственности за этот уход на оппонента.



Во всех этих случаях угрозы не только и не столько подводят к логико-семантическому пределу аргументации, блокируя ее чисто семантически (ср. «Все мы смертны»), сколько ставят под вопрос само осуществление коммуникации. А это уже не семантика, а прагматика.

Аргумент к смерти и механический аргумент

Argumentum ad mortem (как в случае угроз и — тем более — их выполнения) с точки зрения риторики и логики, а скорее, прагматики спора оказывается типологически близок «механическому аргументу» (Поварнин, 1997), предстает разновидностью последнего.

Речь идет о чрезвычайно некорректной «аргументации», связанной с выходом за логико-семантические границы дискурса в чистую прагматику, даже механику спора. Срыв полемики без стеснения в средствах, уклонение от существования спора, стремление к прямому, «механическому» воздействию на оппонента (не давать ему говорить, перебивать, стараться перекричать, топтать ногами, отключать микрофон, гасить свет, угрожать насилием, применять силу) — все это далеко не полный спектр механической аргументации. Обычно она — оружие стороны, сознающей, что обычный корректный спор (полемика или дискуссия) ей не под силу: то соперник сильнее, то собственные позиции слабы и неубедительны.

Ранее было показано, что механический аргумент — свидетельство низкой логической культуры, культуры общения и культуры вообще, что, в свою очередь, есть проявление незрелости общественного правосознания и свободы самоопределения личности (Тульчинский, 1992). Частично *argumentum ad mortem*, особенно в крайних своих проявлениях (угрозах, насилии), действительно, есть разновидность механической аргументации, но в ряде случаев он поддается вполне рациональному логико-семантическому анализу. Однако аргумент к смерти и механическую аргументацию роднит главное прагматическое качество: подведение спора и коммуникации к пределу, в том числе физического осуществления.

Аргумент к смерти как *anti-dixi*

Из классической риторики спора хорошо известна формула «*Dixi!*» — «Я сказал! Теперь говори ты!» — фраза, речевой оборот, превращающая монолог в диалог, сохраняющая пространство и время коммуникации, открытость к восприятию аргументации противной стороны. *Argumentum ad mortem*, как и любой «механический аргумент», ориентирован на обрыв дискурса, собственный выход или выведение оппонента из диалога, спора, невозможность продолжения коммуникации, перспективу выхода из бытия в небытие или сам такой выход — *anti-dixi*.

В отличие от других фигур *anti-dixi*, рассмотренных ранее (Тульчинский, 2010), разнообразных вариантов аргумента типа «Сам дурак!», которым так любят пользоваться люди, чувствующие собственную несостоятельность, но с амбицией, стремящиеся оставить последнее



слово за собой (сварливые жены, базарные торговцы, некомпетентные руководители), в отличие от других некорректных приемов спора, разнообразных приемов «женской логики» (Курбатов, 1993) *argumentum ad mortem* не просто риторическая фигура, стопорящая диалог чисто словесно. Специфика *argumentum ad mortem* состоит в том, что он прерывает коммуникацию апелляцией к обесмысливающей ее утрате реальности. Это не просто *anti-dixi* в смысле «Молчи!», «Заткнись!» и прочих инвектив. Убойная сила *argumentum ad mortem* заключается в «Пусть тебя не будет!» «Я вычеркиваю вас из списка живых» — в такой высокопарной форме выражал эту идею главарь банды анархистов из кинофильма «Достояние республики».

Широко пользовался приемом *anti-dixi* И. В. Сталин. «Есть человек — есть проблемы, нет человека — нет проблем!», «Смерть решает все проблемы» — не только рассуждения, но и практические, реализованные в общенациональном и международном масштабе программы действий, определяющие содержание политических кампаний, репрессий, аппаратной работы, отношений в правящей элите. Это *anti-dixi*, объединяющее *argumentum ad mortem* и механический аргумент, переводящее их друг в друга; национальный опыт затыкания рта и ушей друг другу, самим себе; «Бей своих, чтоб чужие боялись!», «Ты умри сегодня, я — завтра!»; опыт аргументации национальным суицидом.

Итоговые обобщения

Специфика *argumentum ad mortem*, таким образом, заключена в его особом логико-семантическом содержании и целевом прагматическом контексте применения. Это аргумент, возможности применения которого в дискуссиях, то есть в спорах, нацеленных на выявление истины или на достижение консенсуса, очень ограничены. Полемика, то есть спор, целью которого является победа, — более естественная среда *argumentum ad mortem*. Это фактически риторическая фигура *anti-dixi* широкого спектра используемых средств: от логико-семантической конструкции до перформативного речевого акта и даже непосредственно воздействия — буквально убойного механического аргумента.

Иллокутивная сила этой фигуры — мера, определяемая на шкале ее средств: от индуктивного обобщения и посредуемых им дедукций до подведения к пределу этого обобщения, до угрозы выхода за экзистенциальные границы дискурса, утраты экзистенциального статуса предметной области, до физического осуществления угрозы, что делает коммуникацию несущественной, а ее предмет или даже оппонента — несуществующими. Такая аргументация характерна для «до-логических» сообществ, с неразвитой и невостребованной логической культурой социальной коммуникации, с целерациональностью, апеллирующей не к закону, а к силе, не к свободе, а к произволу.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№ 18-18-00442) «Механизмы мыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.



Список литературы

- Курбатов В. Женская логика. Ростов н/Д, 1993.
 Поварнин С. И. Спор. О теории и практике спора. СПб., 1997.
 Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб., 2003.
 Тульчинский Г. Л. Культура деловой и политической аргументации. СПб., 2010.
 Тульчинский Г. Л. Механический аргумент // Философская и социологическая мысль. 1992. № 11. С. 108 – 112.
 Тульчинский Г. Л. Argumentum ad mortem // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1995. Сер. 6, вып. 1. С. 10 – 14.
 Чуешов В. И. Аргумент к смерти: логика, риторика и диалектика коммуникации // Тема смерти в духовном опыте человечества / под ред. А. В. Демичева, М. С. Уварова. СПб., 1993. С. 10 – 12.
 Quine W. V. Theories and things. Cambridge, 1981.

Об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный университет; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тульчинский Г. Л. Argumentum ad mortem в дискурсе насилия; семантика и прагматика «радикальной» аргументации // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 4. С. 58 – 64. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-5.

ARGUMENTUM AD MORTI IN THE VIOLENCE DISCOURSE: THE SEMANTICS AND PRAGMATICS OF 'RADICAL' ARGUMENTATION

G. L. Tulchinskii^{1, 2, 3}

¹ Higher School of Economics National Research University
16, Soyuzna Pechatnikov St, St Petersburg, 190008, Russia

² St Petersburg State Economic University
21, Sadovaya St, St Petersburg, 191023, Russia

³ Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo St, Kaliningrad 236016, Russia

Submitted on February 14, 2020

doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-5

The appeal to death is a type of argument that either explicitly or implicitly invokes human finitude. This rhetorical device contributes to the credibility of requests, wishes, etc., or blocks communication. The illocutionary power of the appeal to death is determined by the means it uses, which range from inductive generalisation and deductions to approaching the limit of this generalisation, to the threat of going beyond the existential boundaries of the discourse, to the problem domain losing its existential status, and to the threat being carried out. All of them make communication insignificant and the subject, or even the opponent, non-



existent. This style of argumentation is peculiar to 'pre-logical' communities where the logical culture of social communication is underdeveloped and unwanted, where an instrumental appeal is made not to the law but force, not to freedom but arbitrariness.

Keywords: argumentation, violence discourse, communication, polemics, death, argument, anti-dixi

References

- Kurbatov, V., 1993. *Zhenskaya logika* [Women's logic]. Rostov-on-Don (in Russ.).
- Povarnin, S.I., 1997. *Spor. O teorii i praktike spora* [Dispute. On the theory and practice of the dispute]. St. Petersburg (in Russ.).
- Tulchinskii, G.L. and Epshtein, M.N., 2003. *Proekcionyi filosofskii slovar'. Novye terminy i ponyatiya* [Philosophical Dictionary. New terms and concepts]. St. Petersburg (in Russ.).
- Tulchinskii, G.L., 2010. *Kul'tura delovoi i politicheskoi argumentatsii* [Culture of business and political reasoning]. St. Petersburg (in Russ.).
- Tulchinskii, G.L., 1992. Mechanical argument. *Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl'* [Philosophical and sociological thought], 11, pp. 108–112 (in Russ.).
- Tulchinskii, G.L., 1995. Argumentum ad morti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6* [Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 6], 1, pp. 10–14 (in Russ.).
- Chueshov, V.I., 1993. The Argument to Death: Logic, Rhetoric and Dialectics of Communication. In: A.V. Demichev and M.S. Uvarov, eds. *Tema smerti v dukhovnom opyte chelovechestva* [The Topic of Death in the Spiritual Experience of Humanity]. St. Petersburg. pp. 10–12 (in Russ.).
- Quine, W.V., 1981. *Theories and things*. Cambridge.

The author

Prof. Grigorii L. Tulchinskii, Distinguished Academic of the Russian Federation, St Petersburg State University; Higher School of Economics national research university, St. Petersburg, Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskii, G.L. 2020, *Argumentum ad morti* in the violence discourse: the semantics and pragmatics of 'radical' argumentation, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 58–64. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-5.